

С чего же начать? Да, пожалуй, вот с этого. По историческим данным, в декабре 1919 г., когда в Москве были очень серьезные затруднения с топливом, В. И. Ленин вместе с Ф. Э. Дзержинским, М. И. Калининым, И. И. Скворцовым-Степановым работал на пилке и переноске дров в Кремле. Было морозно, Владимир Ильич замёрз, пришёл в свою квартиру, и они с Надеждой Константиновной собирались поужинать, как вдруг вошёл курьер и положил на пол мешок, в котором оказались куски каменного угля. На мешке было написано: «Москва. Ленину».

Владимир Ильич попросил нагреть самовар на этом угле и убедился, что он высокого качества. Они с Надеждой Константиновной поужинали и с удовольствием попили чаю, после чего Ленин позвонил наркому Леониду Борисовичу Красину и поручил в срочном порядке организовать геологический отряд для отправки на реку Воркуту.

Сейчас уже невозможно выяснить, кому из «акробатов пера» пришло в голову сочинить эту фантастическую историю. Жизнь В. И. Ленина за время советской власти отслежена подробно, по минутам, подобного случая в ней зафиксировано не было, как и факта доставки в Кремль зимой 1919 года, а также в 1920 или 1921 годах, мешка с каменным углем от коми охотника Виктора Яковлевича Попова.

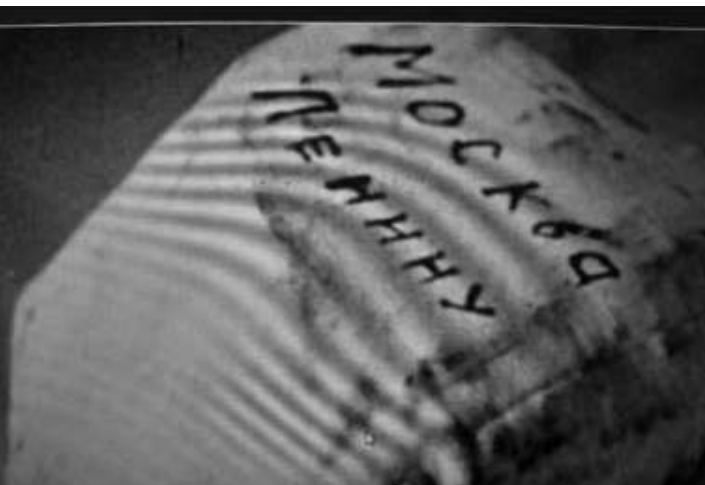
Попова объявили первооткрывателем Воркутинского угольного месторождения. Это был глубоко осмысленный идеологический ход, лакомая тема для бессовестных политиков и журналистов. Материал, без фактической проверки и доказательств, мгновенно подхватили все печатные издания. Не смутило то, что открывателем месторождения они называют человека, не только не имеющего специального образования, но и вообще неграмотного.

Геологический отряд на реку Воркуту так и не поспешил, лишь через долгие десять лет там оказался молодой геолог Георгий Чернов, который описал и обосновал выходы на поверхность пяти угольных пластов на берегах реки.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ОТКРЫТИЯ

Юрий ПОКЛАД
г. Мытищи

Кадр из кинофильма о В.Я. Попове
«Домик в тундре» (1958 г.)

Георгий Александрович Чернов родился 8 (21) апреля 1906 года в городе Москве в семье геолога Александра Александровича Чернова (1877—1963).

В 1924 году принял участие в одной из экспедиций, руководимой его отцом. С тех пор почти ежегодно (до 1984 года) выезжал в разные районы Ненецкого округа и Коми АССР.

Летом 1930 года на реке Воркуте им было открыто месторождение коксующихся, высококалорийных углей, добыча ведётся с 1931 года. На месте разведанных запасов каменного угля был основан рабочий посёлок Рудник, позднее на правом берегу реки Воркуты был построен город Воркута.

Г.А. Чернов впервые в СССР занялся изучением нефтегазоносности Большеземельской тундры.

В 1940 году экспедиция, возглавляемая Г. А. Черновым, направилась к побережью Хайпудырской губы (Баренцево море). Здесь была проведена детальная геологическая съёмка и проверены имеющиеся сведения о нефтеносности площадей в районе мыса Синькин Нос. Так началась его многолетняя борьба за нефть Большеземельской тундры, которая увенчалась блестящими открытиями: газ в районе Нарьян-Мара, залежи нефти в районе рек Колвы и Хараяхи, нефти в устье реки Чёрной и на побережье Баренцева моря.

Промышленное освоение Усинского нефтяного месторождения началось в феврале 1968 года, продуктивными оказались скважины, координаты бурения которых были указаны Г. А. Черновым ещё в 1953 году. Из скважины №7 «Уса» был получен фонтан «лёгкой» нефти.

В начале 70-х нефтяники приступили к освоению группы северных месторождений, открытых Г.А. Черновым, в первую очередь — Усинского и Возейского.

Александр Александрович Чернов родился 11 (23) июля 1877 года в г. Соликамске Пермской губернии в семье потомственных уральских горняков.

Научная династия Черновых насчитывает более трехсот лет. Геологами были его отец и дед. Геологом стал и сам А. А. Чернов, он передал эстафету сыну — Георгию Александровичу.

Мать А.А. Чернова умерла, когда сыну было всего два с половиной года. Его воспитанием занимался отец, который брал мальчика в геологические экспедиции по окрестностям Соликамска, тем самым прививая сыну интерес к профессии.

После обучения в Пермской губернской классической гимназии А. А. Чернов в 1896 году поступил в Московский университет на естественное отделение физико-математического факультета.

В 1903 году сдал государственные экзамены с дипломом I степени, по совету академика Алексея Петровича Павлова А. А. Чернов остается в университете при кафедре геологии. Помимо научной работы, он занимался и преподавательской деятельностью в Московском археологическом институте, с 1910 г. читал лекции по исторической геологии на Московских высших женских курсах. С 1917 по 1930 г. А. А. Чернов был профессором кафедры геологии МГУ.

Начиная с 1902 года ежегодно, почти без перерывов, Чернов проводил длительные полевые экспедиции, вёл геологические съёмки. Он побывал во многих уголках России, но предпочтение отдавал исследованиям северного Печорского края. В 1917—1918 годах А. А. Чернов участвовал в экспедициях на Тиман в бассейнах рек Цильма и Пижма. С 1921 года были начаты

систематические исследования бассейна реки Печора. В этом году Северная научная промысловая экспедиция (сейчас это институт Арктики) предложила организовать один из 150 отрядов Северной научно-промысловой экспедиции. А. А. Чернов выбрал р. Ильч, геологическое строение которой было малоизвестным. Затем А. А. Чернов начал проводить исследования на западном склоне Северного Урала. На правых притоках р. Печора обнаружил промышленные запасы каменного угля. В 1924 году он впервые выделил Печорский угольный бассейн.

Угольные залежи были открыты на реках Кожым, Инта, Неча, Косью.

Значение открытий А. А. Чернова для науки и страны огромно, он был Первооткрывателем, которому всегда сопутствовала удача.

Передо мной письмо Георгия Александровича Чернова (доктора геолого-минералогических наук, первооткрывателя Воркутинского месторождения коксующихся и энергетических углей в Коми АССР, почётного гражданина города Воркуты), направленное им в Президиум Верховного Совета СССР 20 мая 1985 года. Письмо предоставлено мне женой Г. А. Чернова, Любовью Николаевной.

Из письма Г.А. Чернова:

«Летом 1930 года мне выпала большая удача и честь оказаться на острие длительного и упорного поиска месторождений угля в районе реки Воркуты.

В 1924 году моим отцом, профессором Александром Александровичем Черновым, в районе реки Печоры (Печорском угольном бассейне), были обнаружены угли различного марочного состава, — бурые, газовые, длиннопламенные, жирные и коксовые, каменные-полуантрациты. Общая площадь бассейна — около 100 тыс. кв. км, общие геологические запасы — более 250 млрд тонн.

Нашему небольшому отряду из шести человек начальником геологической партии Н. Иорданским было поручено исследовать верховья реки Воркуты. В отряд входили: я (прораб), моя жена Тамара Чернова (коллектор), а также коми

Георгий Александрович Чернов с женой Любовью Николаевной на г. ТАЛЬБЕЙ (река Адзьва, Ненецкий автономный округ, Большеземельская тундра). Август 1984 года

рабочие — Н.Шахтаров, А. Попов, Н.Пыстин и А. Канев.

Двигаясь на лодках по реке Усе на Воркуту, мы в семнадцати километрах от её устья встретили на берегу последнее человеческое жильё — выселок Тит, где в одиноком доме с амбаром и сараем жил со своей большой семьёй коми охотник Виктор Яковлевич Попов. Жил отшельником, в абсолютно безлюдной местности, на краю дикой, суровой тундры, откуда до ближайшего сельсовета (в селе Петрунь на реке Усе) было около двухсот километров.

Александр Александрович Чернов
на маршруте в одной из экспедиций

Мы познакомились, и я даже сфотографировал эту удивительную семью, для нас она была экзотической диковинкой на пути.

Русский язык Попов знал. Естественно то, что и я, и мои молодые коми ребята на своём языке попытались расспросить Попова, что за река Воркута, бывал ли он на ней? Он ответил, что дальше тридцати километров от своего дома не ходит, дичи и зверя хватает и здесь, но на Воркуте у него есть охотничья избушка, примерно в тридцати километрах от устья реки. Стоит она у «тихой воды», а дальше река «кипит» и непроходима для лодок из-за множества порогов.

Я предложил ему стать проводником отряда, но он категорически отказался, заявив, что наши лодки всё равно по Воркуте не пройдут, дело это безнадёжное, а у него как раз наступает сезон охоты, — в первых числах августа и в тундре начинается линька диких гусей.

О характере порогов и берегов на Воркуте Попов ничего не сказал и, очевидно, сказать не мог, ибо вряд ли когда-нибудь бывал там.

Об угле у нас разговора не было, мы интересовались лишь характером реки. Я уверен, знай Попов что-либо об угле на Воркуте или хотя бы о «чёрных берегах», он обязательно бы сообщил нам об этом. К тому же наш отряд направлялся на Воркуту не с заданием непременно найти уголь, а всего лишь для обзорной разведки реки, для её общего геологического осмотра и изучения.

Мы решили двигаться одни в полную неизвестность и во что бы то ни стало пройти в самые верховья реки Воркуты, то есть выполнить задание, которое было дано.

Попов попрощался с нами приветливо, но посмеялся над «мальчишками» (всем нам было от 16 до 25 лет), пожелал «вернуться назад живыми». Он был уверен, что мы вернёмся очень скоро, не одолев и первых речных порогов.

Поход по Воркуте оказался невероятно тяжёлым, мы буквально протащили наши лодки по дну реки, копая лопатами проходы в порогах. А порогов насчитали аж сто один.

И вот в 117 километрах от устья Воркуты (и в 134 километрах от жилья коми охотника Виктора Попова) я увидел выходы углей в берегах. На всём пути по реке я вёл записи о геологическом характере берегов. Я проанализировал то, какого возраста могли быть прорезанные рекой породы, как они могли образоваться. Вскрытые рекой берега были в самом деле «чёрными» — Воркута прорезала выдавленный на поверхность угольный пласт...»

От автора:

Автор этого очерка проработал в геологоразведке почти двадцать лет — сначала в Крыму, потом на Крайнем Севере, бурил скважины на месторождениях нефти и газа, в Усинском регионе и в Большеземельской тундре, продуктивность которых была предсказана Г. А. Черновым.

Мне доводилось много общаться с геологами, и я замечал, что они смотрят на окружающий мир, на его природу иными, чем обычный человек, глазами. Они умеют «представлять далёкое прошлое». Так, однажды я оказался в Коктебеле, на знаменитом Кара-Даге, и мой друг-геолог рассказал, что творилось в этих местах сто миллионов лет назад — как извергался вулкан Кара-Даг, как стекала в море огненная лава, как возникали все эти удивительные скалы и горы — Сюрю-Кая, Скалистый хребет, гора Святая. Плоды человеческой цивилизации мой друг иронически именовал «плесенью, которая может быть мгновенно уничтожена безжалостными природными катаклизмами». Автору очерка доводилось бывать и в легендарном городе Помпеи, за считанные часы похороненным вулканом Везувий под девятиметровым слоем пепла.

Мне кажется, что молодой геолог Георгий Чернов думал как раз об этом, обозревая богатейшие залежи угля на берегах реки Воркуты, размышляя, как формировались эти огромные пласты в течение десятков миллионов лет.

* * *

Из письма Г. А. Чернова:

«С помощью рабочих я вскрыл четыре мощных угольных пласта в одном месте и пятый — чуть в отдалении от них.

Затем мы двинулись дальше, прошли реку, насколько смогли, и повернули назад: поджимала осень. Обследование верховьев реки Воркуты я завершил в следующем сезоне, в 1931 году.

На обратном пути я показал Попову громадные куски угля, выломанные нами для доставки в Москву, никакого интереса он к ним не проявил.

Открытие наше было настолько велико и многообещающе, что уже следующим летом, в 1931 году, в Воркуту двинулись не только новые партии геологов, но и отряды рабочих и инженеров с оборудованием для промышленной добычи угля, строительства рудника.

В 1931 году по представлению Центральной комиссии по первооткрывательству наркома тяжёлой промышленности СССР я был премирован

Семья В.Я. Попова. 1930 год

одной тысячей рублей за открытие Воркутинского месторождения угля. Во всей специальной геологической литературе упоминалось лишь моё имя как первооткрывателя. Так продолжалось тринадцать лет до осени 1943 года.

В сентябре 1943 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями нескольких сотен людей «за строительство железной дороги от станции Коноша до Воркуты», а также «за освоение Печорского угольного бассейна». Среди награждённых орденом Трудового Красного Знамени я увидел фамилию Виктора Яковлевича Попова.

Я очень удивился: что же мог сделать охотник-промысловик для того, чтобы удостоиться столь высокой награды? К тому же он был назван колхозником, хотя никакого колхоза поблизости от его жилья не было и не могло быть. Так за что попал он в этот указ? Я был так удивлён, что не обратил внимания на то, что моей фамилии в указе нет. Но я действительно ни в строительстве железной дороги, ни в освоении Печорского угольного бассейна участия не принимал. Я лишь открыл уголь Воркуты, а это совсем другое дело.

Но ведь и Попов не принимал участия ни в строительстве железной дороги, ни в освоении Печорского угольного бассейна, он по-прежнему

Протаскивание лодок через пороги реки Воркуты. 1930 год. Фото Г. А. Чернова

жил на выселке Тит, содержал скот, рыбачил и охотился. Так за что же он награждён? Для «национального колорита»? Правда, вчерашний отшельник вдруг оказался «на виду», — тысячи людей, сотни барж, двигавшихся к устью Воркуты, проходили теперь мимо выселка Тит, люди часто ночевали в доме Попова, в его сарае.

В 1931 году Попов согласился сопровождать одну из партий рабочих, по-видимому, ему захотелось увидеть, что же там, на Воркуте, нашли. Возможно, он лелеял надежду, что людям добраться на Воркуту не удастся, ему не нравилось то, что «разорены его охотничьи угодья и весь песок ушёл дальше в тундру».

Никто, кроме меня, наверняка не обратил бы внимания на награждение неизвестного коми охотника Попова, если бы не новый начальник «Воркутстроя» (и «Воркутлага») полковник НКВД Михаил Митрофанович Мальцев. Едва прибыв с фронта к месту нового назначения, он выступил в республиканской газете «За новый Север» со статьёй, в которой объявил, что воркутинский уголь на самом деле был найден коми охотником В.Я. Поповым. Он подробно описал, каким образом это произошло.

Друзья прислали мне эту газету, и я узнал о новоявленном первооткрывателе. Я заинтере-

совался, как могла появиться эта публикация, оказалось, что в Воркуте и Сыктывкаре разрабатывается масштабная версия на модную в то время тему: «Народ открывает клады». Я узнал, что ещё с 1934 года ходит легенда о том, как Попов обнаружил уголь на Воркуте, охотясь там на линялых гусей вместе с восьмилетним сыном Мишей. Он назвал и точную дату события: 11 сентября 1919 года, она оказалась зафиксированной в «Акте НКВД от 1941 года», хотя из этого документа следует, что беседа сотрудника НКВД с Поповым происходила не позднее 1936 года.

Выяснилось также, что в 1934 году у Попова побывал геолог Т.Н. Пономарёв, которого мой отец ещё в 1929 году устранил из экспедиции за приписки, крайнюю, патологическую зависть и неуживчивость с людьми. Именно Пономарёв стал самым активным пропагандистом легенды о Попове. Сначала устным, а затем и печатным, — он заявил об этом в узкопрофессиональном геологическом издании.

Однако легенда эта популярностью среди жителей Коми республики не пользовалась, охотники над ней смеялись, тем более не реагировали на неё всерьёз учёные.

Ну, хорошо, пусть Пономарёв пишет что угодно, но почему Попов согласился подтвердить эту версию? Мне приходит в голову лишь одна мысль: захотел славы, премий, наград.

Однако всё оказалось не так просто...

* * *

От автора:

В 1919 году Виктор Попов жил в деревне Лач у села Извайль, в верховьях Ижмы. В селе действовала знаменитая на Севере Извайльская коммуна. В 1919 году члены коммуны были казнены белогвардейцами при участии зажиточных братьев Поповых. О зверствах белогвардейцев можно найти много информации в литературе, — выколотые глаза у учителей, изнасилованные и сброшенные под мост женщины. Красные отомстили за эти зверства: Андрей Попов был арестован в 1921 году и расстрелян за особо тяжкие преступления и бандитизм, второй брат

Виктора Попова — Иван, был также арестован и умер в тюрьме. Сам Виктор Попов, чувствуя, что кара наступит и его, сбежал из Изваила в июне 1920 года вместе с семьёй и поселился на реке Уса, в выселке Тит.

* * *

Из письма Г. А. Чернова:

«Кто бы ни ехал теперь мимо Тита, всех интересовал этот экзотический старик: кто он такой? Откуда появился? Почему живёт здесь, в глуши? Всем Попов отвечал так же, как и нам в 1930 году: перебрался сюда из Западной Сибири, там охотничьи угодья оскудели, а здесь дичи много, есть чем семью кормить. Над ним подшучивали: «Что ж ты такой клад под носом проморгал?» И он, чтобы отбиться от насмешников, стал говорить, что давно уже замечал «чёрный камень», только думал: кому он здесь, на краю света, нужен?»

Вот за эту шутку-отговорку и зацепился, по-видимому, Пономарёв. Невозможно представить, как произошёл их сговор, но вскоре легенда стала обрастать подробностями: «Попов не просто увидел камень, он бросил его в костёр и убедился, как хорошо тот горит, тогда он набрал котомку «чёрного камня» и направил её с попутчиком в Петруньский сельсовет для того, чтобы её послали в Москву, «учёным людям и самому Ленину».

Высокопоставленным работникам НКВД и Коми обкома ВКП (б) захотелось узнать, кто же это такой, Виктор Попов? И Попов рассказал, что прибыл сюда из деревни Лач Извайльской волости, сам из беднейшей семьи, при разделе имущества между братьями отказался от своей доли и решил самостоятельно устраивать судьбу. Был вынужден уехать из родной деревни в 1919 году, спасаясь от голода.

Короче говоря, страдалец, изгой, но при этом — зоркий следопыт, патриот, желающий помочь советской власти. И ведь помог: нашёл уголь и послал его прямо в Кремль, самому товарищу Ленину. Странно, что НКВД так и не заинтересовался, из какой сомнительной семьи Виктор Попов происходил.

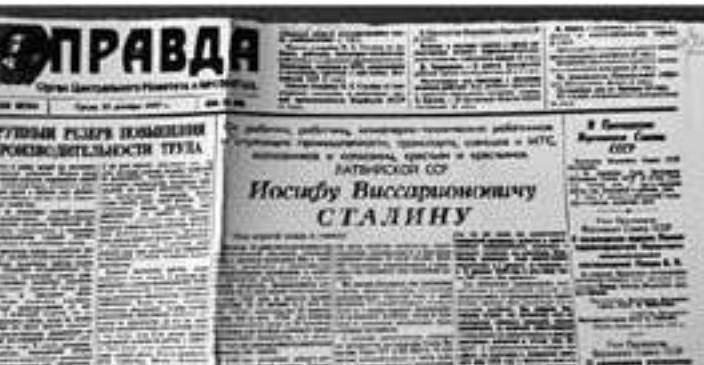

Первая канава на каменный уголь в обнажении №36 на реке Воркуте. 1930 год.
Фото Г. А. Чернова

Личность Попова очень понравилась руководителям «Воркутстроя» и угольного главка НКВД в Москве, их весьма заботило то обстоятельство, что в газетах 30-х годов печатались сообщения о премиях и портреты охотников, лесорубов, рыбаков, колхозников, сообщавших геологам о находках полезных ископаемых. Шли в те годы «всесоюзные, народные геологические походы», в том числе в Коми республике. Но ведь в основном это были мелочи: известняки, глины, кости мамонта, а тут — сотни миллионов тонн коксующихся углей!

Для сотворения «национального героя» началась беспардонная фабрикация документов, был даже сочинён задним числом акт о приёме у Попова мешка с углем Петруньским сельсоветом. Мне рассказал об этом тогдашний председатель партийного контроля при Коми обкоме Михаил Константинович Игнатов. Но потом этот акт бесследно исчез, очевидно, его «на всякий случай» уничтожили. Произошло это, вероятно, потому, что раздался единственный здравый голос — заместителя начальника политотдела «Воркутстроя» Иванова:

— В 1919 году весь Север был оккупирован белогвардейцами и интервентами, как негра-

Указ от 23 декабря 1947 года
о награждении В. Я. Попова орденом Ленина

мотный охотник смог написать адрес и переправить посылку через линию фронта, да ещё в Москву, в Кремль?

Никого это замечание, однако, не смутило, версию «подвига» переиграли: старик запомнил дату, он отправлял посылку в 1921 году.

По указу от 1943 года Попов стал орденоносцем, патриотом, совершившим открытие месторождения угля, внёсшим огромный вклад в индустриализацию Заполярья. Каждому из журналистов, приезжавших в Воркуту, теперь представляли героя — колоритного деда-охотника с седой бородой, с медалью за Мукден, с орденом Трудового Красного Знамени. Преемственность времён и поколений! Герой русско-японской войны и отец Воркуты! А Попов и у себя в Тите, и в Воркуте продолжал разукрашивать легенду об угле на разные лады.

Акцентирую внимание на том, что журналисты бросились создавать из Попова легенду лишь после того, как его удалось наградить, не они были инициаторами этого мракобесия. Но уж затем их старания перехлестнули всякую меру: уж слишком соблазнительно выглядел материал.

Не стану описывать, как обернулся весь этот кошмар для меня, расскажу лишь самую суть. Вскоре после указа 1943 года я подал заявление наркому (министру) геологии И.И. Малышеву с просьбой оградить моё честное имя от лжи, ведь получалось, что я украл чужое открытие. Я попросил разобраться во всём и восстановить справедливость.

Нарком был честным человеком, крепким большевиком, он два года изучал эту историю, даже нашёл человека, которому в 1919 или 1921 году Попов передавал уголь в Петруни (это был некто Бабилов, который, как выяснилось, не ведал ни о чём подобном и сразу же об этом заявил). Были собраны десятки и сотни документов, заключений и свидетельств крупнейших учёных и специалистов в области геологии. В итоге Илья Ильич Малышев выдал мне документ, в котором было указано, что я «безусловно, являюсь первооткрывателем углей на Воркуте». На основании собранных материалов нарком намеревался даже представить меня к Сталинской премии.

Но не тут-то было, дело обернулось ещё хуже. Творцы «национального героя» поняли, что мнение наркома — штука серьёзная. Признаться в поспешности своих действий, тем более в подлоге, или отменить награждение Попова значило бы по тем временам для этих людей как минимум лишиться своих орденов за Воркуту. Им пришлось идти во лжи до конца.

По Воркуте, да и по всей Коми республике, разнёсся слух, что об открытии Попова знает «сам Сталин». Малышева вызвали в НКВД, сделали недвусмысленное внушение. Было известно, что Сталин не раз принимал руководство «Воркутстроя» (в 1940 году и в годы войны). Оказывается, он спросил однажды:

— Кто же открыл этот клад в тундре?

Ему ответили:

— Коми охотник Попов.

После этого любые сомнения насчёт Попова стали неуместны даже среди самых смелых и здравомыслящих людей. Сомнения могли быть расценены как недоверие к НКВД и даже как «вражеская пропаганда».

Тем не менее руководители Воркуты, НКВД и Коми обкома понимали: для полного торжества успешно рождённой версии «открытия угля» Поповым доказательств маловато.

И тогда родился «акт от 1945 года»: мол, много путаницы в этой истории, новая проверка окончательно всё прояснит. Этот документ стал, по моему мнению, наиболее «вопиющей» ложью в деле Попова. О нём стыдно вспоми-

нать, поскольку сочиняли его специалисты-геологи, в том числе бывший начальник геологической службы Воркуты Семён Алексеевич Вишератин.

Для составления «Акта» пригласили и В. Я. Попова. Ничего нового он не добавил: охотился, нашёл, собрал, отправил. «Новизна» документа заключалась лишь в том, что он был «свежим» и в нём встречалось упоминание о том, что «об открытии Попова всем хорошо известно из литературных источников и средств массовой информации». Таким образом, профессиональные геологи сослались на художественную литературу и газеты. А Попов в своих показаниях вдруг вспомнил, что отправил котомку с углем «в Кремль, Ленину» всё же в 1919 году.

Важно было то, что под этим актом стояла подпись самого Попова, и то, что составлялся он под бдительным контролем НКВД.

Теперь никакие глупые выдумки учёных, пытающихся примазаться к уникальному открытию скромного коми охотника, были не страшны. Этот дикий по содержанию акт лёг в сейф НКВД, и до 70-х годов никто его не видел.

На основании вновь собранных и надёжно проверенных сведений В.Я. Попов по указу от 23 декабря 1947 года был награждён орденом Ленина.

Я написал письмо-протест лично Сталину, но до него моё письмо, естественно, не дошло, оно попало в НКВД, к Л. П. Берии, тот наложил резолюцию зелёным карандашом: «Срочно разобраться!» Разобрались быстро, в ноябре 1946 года меня пригласили в Кремль. Заведующий секретариатом Берии полковник Ордынцев дал прочитать ответ на моё письмо. В ответе было сказано: «Товарища Чернова правительство представило к награждению орденом Трудового Красного Знамени. Чего он ещё хочет?»

Григорий Алексеевич Ордынцев, пытаясь утешить меня, сказал:

— Я понимаю вас. Но ошибка сделана, исправить её нельзя. Что вам делить с охотником? Вы — человек науки.

После этого в статьях (в том числе в «Правде») честь открытия стали делить пополам: охотнику — находка, геологу — научное открытие.

В. Я. Попов, Г. А. Чернов и А. А. Чернов в кабинете А. А. Чернова в Сыктывкаре. 1958 год. Научный архив ФИЦ «Коми научный центр Уральского отделения РАН»

Буквально через несколько недель я получил орден Трудового Красного Знамени, но не за Воркуту, а «за успехи в геологических поисках»...

От автора:

В 1958 году В. Я. Попов оказался в Сыктывкаре. В. Я. Попова, Г. А. Чернова и А. А. Чернова пригласили для съёмок фильма «Домик в тундре». Быть может, Попову стал невыносим тяжкий грех незаслуженной славы, он честно признался, что первооткрывателем воркутинского угля считает Г. А. Чернова, что уголь он никуда не посылал и вся эта история — плод фантазии геолога Пономарёва и недобросовестных журналистов. Попов заявил: «Я честный человек и в чужой славе не нуждаюсь». Но это признание в кинофильм не вошло.

Из письма Г. А. Чернова:

«Власти Коми республики продолжили борьбу за «национального героя».

По всей стране продолжался «бум Попова», о его жизни было рассказано в романе Василия Юхнина «Огни тундры», о нём создана песня, написаны картины, напечатаны десятки статей. Ему при жизни поставили памятник в том месте, где был якобы найден уголь, его избрали депутатом горсовета, наградили знаком «Почётный шахтёр», ему построили дом на станции Сейда, о нём сняли кинофильм «Домик в тундре» (1958 г., кадр из фильма на фото). До конца дней к Попову возили пионеров, воспитывая их «на добром примере».

Ну а меня называли «интриганом», «кляузником», «человеком, пытающимся примазаться к чужому открытию» и т. д.

22 февраля 1953 года в газете «За новый Север» появилась статья Виктора Никифоровича Тишунина (впоследствии доктора исторических наук, работника Ленинградского института истории коммунистической партии), где ещё более ярко описывалось открытие В. Я. Поповым воркутинского угля, рассказывалось о его сыне Мишутке, о «линялых гусях» и т. д.

Чистосердечное признание В. Я. Попова о ложности его «подвига» не вошло в кинофильм, оно не было публичным и не смогло изменить ситуации, — маховик лжи был запущен, остановить его не представлялось возможным.

После этой статьи вокруг имени Попова стало твориться что-то вовсе невообразимое: республиканские выставки открывались его портретом, появились экспозиции Попова в музеях Воркуты и Сыктывкара, в газете «За новый Север» было опубликовано стихотворение о том, как В. И. Ленин и Н. К. Крупская пьют чай, вода для которого вскипачена в самоваре на угле, присланном Поповым.

Можно посмеяться над всем этим, но мне смешно не было.

Так тянулись годы. Но вот после XX съезда КПСС вышли из заключения старые большевики Коми республики, среди них — Анна Александровна Потапова, активная участница Гражданской войны в Коми республике, жена героя этой войны на Севере А. А. Маегова, погибшего в годы культа личности в Ухте.

Эта женщина очень помогла мне, решительно включившись в борьбу за разоблачение авантюры с Поповым.

Именно она писала по многим адресам, доказывая всю чушь происходящего; именно она получила бесценный для меня документ из ИМЛ (Институт марксизма-ленинизма) о том, что никакими сведениями о получении В. И. Лениным посылки с углем институт не располагает (такой же документ был получен из музея В. И. Ленина).

Никакой посылки не было. Никакого открытия не могло быть, потому что в 1919 году Попов жил не на Усе, а в деревне Лач, у села Извайль в верховьях Ижмы. На реку Усу он бежал из Извайля лишь в июле 1920 года, что подтвердили его родственники.

У меня нет доказательств прямого участия В. Я. Попова в резне, которую устроили его братья в Извайле, я не могу это документально доказать. «Невероятный взлёт» судьбы Попова исключает возможность обнаружить какие-либо документы, обличающие его, но ведь те события в Извайле потрясли в 1919—1920 годах своей жестокостью весь Северный фронт! Так и не ясно, отчего с такой поспешностью бежал Виктор Попов из «родного гнезда», оказавшись вдруг на Усе, в пустующем доме на выселке Тит, вдали от людей и от всего мира. Чего боялся Попов? Наверняка у него были для этого основания. Он бы так и сидел в Тите притаившись, до самой своей смерти, если б не свалилась вдруг на него неслыханная удача.

Но не ради запоздалых обвинений В. Я. Попову пишу я это письмо в верховный орган советской власти. Я хочу показать, в какую авантюру втянули себя тогдашние работники НКВД и руководители Республики Коми — организаторы «легенды об открывателе месторождения угля Попове», какого неудачного героя они выбрали, не удосужившись заглянуть в кровавые страницы Гражданской войны.

У меня есть ещё один, вполне логичный, вопрос: если Попов послал уголь в Москву в 1919 году, почему молчал об этом до 1930 года? Почему не сообщил о найденном им угле никому, в том числе проезжавшему через Тит в 1927 году

известному геологу Леониду Алексеевичу Кулику, а также мне в 1930 году? Попов регулярно бывал в Петруне для того, чтобы сдать пушнину и купить продукты и боеприпасы, он отлично знал из разговоров людей о том, что в Воркутинском регионе идёт поиск залежей угля, так почему скрывал своё «открытие»?

Все эти факты убедительно доказывают, что никакого отношения В.Я. Попов к воркутинскому углю не имел и награды получил абсолютно незаслуженно. Не говоря уже о его политическом и гражданском лице, которое хоть и осталось не вполне понятным, но ясно одно: из Изаила он никогда бы не сбежал, если б совесть его была чиста. Ведь ему пришлось бросить всё — родные места, где он прожил почти сорок лет, родственников, привычную таёжную охоту, пришлось осваивать суровую, незнакомую ему тундру.

Совсем иначе изобразил его жизнь писатель Василий Юхнин в романе «Огни тундры» (издательство «Советский писатель», 1950 г., Москва).

Что касается истины об открытии воркутинского угля, то она восторжествовала: в 1970 году Министерство геологии СССР окончательно признало первооткрывателем месторождения меня, выдав соответствующий диплом и знак.

С тех пор имя Попова в прессе не упоминается, памятник в его честь в Воркуте снесён, все материалы о нём в музеях Сыктывкара и Воркуты убраны, в вышедшем в 1984 году к шестидесятилетию открытия Печорского угольного бассейна и пятидесятилетию начала добычи угля в Воркуте сборнике документов имя Попова не упоминается ни в какой ипостаси.

Встаёт знаменитый вопрос Климата Самгина: «А был ли мальчик? Может быть, мальчика-то и не было?»

К сожалению, был. И остаётся. Несмотря ни на что.

На могиле В.Я. Попова на станции Сейда надпись: «Первооткрыватель Печорского угольного бассейна». Даже не воркутинского угля, а всего Печорского бассейна! Чего мелочиться?!

А неподалёку, в Воркуте, — памятник моему отцу. Надпись на нём гласит: «Доктору геолого-

минералогических наук, Герою Социалистического Труда — А. А. Чернову, первооткрывателю Печорского угольного бассейна».

Подобные двусмысленности недопустимы, именно поэтому я и решился на это письмо. Мне уже много лет, нужно спешить бороться за правду.

Несмотря на то что ещё жив один из рабочих моего отряда 1930 года, изданы мои книги об открытии воркутинского угля, ложь о В.Я. Попове жива, она продолжает повторяться. В 1983 году в издательстве «Молодая гвардия» вышла книга очерков известного писателя Владимира Алексеевича Чивилихина, где вновь описан «подвиг» Попова: «Нашёл уголь, набил котомку, послал Ленину». Разве мыслимо всё это спокойно читать?!

Давно поседели воркутинские пионеры, которых воспитывали на примере В. Я. Попова, всем жителям Севера хорошо известна ложность его «подвига», и, естественно, возникает вопрос: почему же до сих пор не отменены указы о его награждении? Необходимо объявить о несправедливости награждения В. Я. Попова публично! Орденом Ленина (за открытие Воркутинского угольного месторождения, которое он не открывал); орденом Трудового Красного Знамени (за строительство железной дороги на Воркуту, которую он не строил); знаком «Почётный шахтёр» (в шахте он никогда не работал).

Правда должна восторжествовать!»

* * *

От автора:

Что можно добавить к этому взволнованному письму патриарха российской геологии, человека, отдавшего любимой профессии восемьдесят лет, открывшего, кроме воркутинского угля, мощнейшую Тимано-Печорскую нефтегазоносную провинцию в Большеземельской тундре.

Город Воркута и город Усинск стоят как памятники отцу и сыну Черновым.

А ведь есть что добавить к сказанному выше. Потому что «мальчик» не только был, но и есть. До сих пор.

Публикация в газете «Моя Воркута» от 24 августа 2016 года. «История забвения»: «...время и ряд событий сделали всё, чтобы стереть имя охотника Виктора Яковлевича Попова из истории города Воркуты». И опять рассказ о знаменитой котомке, доставленной Поповым в Петруньский сельсовет для посылки в Москву; «... он отправит уголь через служащего Петруньского сельсовета в Москву. Некоторые источники утверждают, что в Петруни не стали делать этого, однако есть документальные свидетельства обратного». Свидетельства в статье не приводятся.

А вот материалы Центральной библиотечной системы (ЦБС) города Воркуты — «Воркута в лицах», от 31 марта 2023 года. «К 80-летию Воркуты»: «Они были первыми». «Воспоминания Виктора Яковлевича Попова, коми охотника, первооткрывателя Воркутинского месторождения»: «Меня часто просят рассказать о тех давних событиях, которые во многом определили мою дальнейшую судьбу. В 1919 г. мне, просто-му коми охотнику, довелось среди тундры, на обрывистом берегу реки Воркуты, обнаружить

залежи каменного угля. До сих пор живы в памяти волнение и радость, охватившие меня, когда увидел я в своих руках плоско сколотые, поблескивающие куски чудесного камня. Но тогда я даже отдалённо не мог себе представить, какие перемены в жизни родного края принесёт моя находка... В 1947 году Советское правительство наградило меня за открытие угля на Воркуте высшей правительственной наградой — орденом Ленина». (Источник: «Печорский угольный бассейн 1934—1959», сборник статей; редколлегия: Б.Л. Афанасьев и др., Ленинград, 1959).

10 октября 2005 года Александр Павлович Мурзин, замечательный журналист, лауреат премий Ленинского комсомола и Союза журналистов СССР, бывший специальный корреспондент газеты «Правда», накануне столетнего юбилея Георгия Александровича Чернова обратился с письмом к Президенту России В.В. Путину, в котором убедительно аргументировал ошибочность награждения коми охотника В.Я. Попова высокими правительственными наградами.

Жаль, что это письмо так и осталось без ответа.

Юрий Александрович ПОКЛАД

родился в 1954 году в Свердловской области в семье военнослужащего.

С 1961 года жил в г. Куйбышеве (Самаре), где окончил в 1977 году нефтяной факультет политехнического института.

Работал в геологоразведочных экспедициях глубокого бурения в Крыму (Феодосия) и на Крайнем Севере (Ненецкий АО), на нефтяных промыслах Западной Сибири. Строил объекты нефтедобычи в Южной Корее, Туркмении, Узбекистане.

Публиковал рассказы и повести в журналах «Москва», «Юность», «Север», «Урал», «Подъём», «Сибирские огни», «Дальний Восток», «Дон», «Аврора», «Подвиг», «Мир Севера», «Милиция», «Северные просторы» и других.

В СП России с 1997 года.

Автор книги очерков (2002) и трёх книг повестей и рассказов: «Осколки Северного Братства» (2012),

«На край света и даже дальше» (2014),

«Увидеть радугу» (2019).

Живёт в городе Мытищи Московской области.

